

«Я ВИЖУ НЕКИЙ СВЕТ...» (К ВОПРОСУ СИМВОЛИКИ «БЕЛОГО» В ПОЗДНИХ ПРОИЗВЕДЕНИЯХ А.С. ПУШКИНА)

Осипова Ю.В.

Осипова Юлия Вячеславовна – кандидат филологических наук, преподаватель филологических дисциплин
Государственное бюджетное профессиональное образовательное учреждение
Московский педагогический колледж,
г. Москва

Аннотация: в статье представлен анализ цветового символа в позднем поэтическом творчестве Пушкина. В работе отмечено, что цветовой символ в поздней поэтике Пушкина приобретает особую культурологическую и философскую значимость. На материале поэтики Пушкина 1830-х гг. исследуется трансформация пушкинского белого цвета, который за счет многочисленных коннотативных приращений преобразуется в белый свет. Многовекторное стихотворение «Осень» задает пушкинскому белому цвету такую масштабную глубину и перспективу, что позволяет говорить не только о семантической функции этого цвета, но и композиционной. Таким образом, торжественная, недостижимая символическая семантика белого цвета в поздней поэзии Пушкина начинает играть семантико-композиционную роль. Это позволяет представить гипотезу о сходстве перспективы белого цвета в поэзии Пушкина и манерой художников эпохи Возрождения. Материалы статьи могут быть использованы на филологических, культурологических, искусствоведческих семинарах.

Ключевые слова: амбивалентность, коннотация, перспектива, семантика, символ.

В поэтической «лаборатории» Пушкина 1830-х гг. символов настолько много, что они начинают складываться в стройную систему [7-14]. В этой системе особая роль отводится цветовой подсистеме символов. Ведь многозначность цветового символа в поздней поэтике Пушкина приобретает особую культурологическую и философскую значимость [3], [15].

Среди современных исследований колористики в произведениях Пушкина особый интерес вызывает статья Июльской Е.Г., Петриной Е.К. [3], [15]. В них авторы представляют трансформацию сказочной этико-эстетической семантики цвета в сказках Пушкина, показывают колористическую новацию поэта как способ экспрессивно-выразительной и оценочной интерпретации сказочных образов. Примечательно, что авторы раздвигают границы простой семантики пушкинских образов, обозначающих цвет, выделяют многомерность и амбивалентность пушкинского символа (белый цвет в «Сказке о царе Салтане», «Сказке о золотом петушке» выражает не только фольклорно-сказочный контекст (благо, чистоту, мир, согласие), но и холод, смерть, отчуждение).

Цветовая колористика в поздних стихотворных произведениях Пушкина – явление особое, поскольку здесь речь идет не только о цвете...

Уникальное, эпицентрическое стихотворение Пушкина «Осень» (1833) задает феноменальную перспективу поздней цветовой палитры пушкинской поэтики. Все цвета здесь как бы собираются в один белый цвет, который «впитывает» финальное многоточие в конце этого произведения: «Плывет. Куда ж нам плыть?..». Это «невыразимое» многоточие вбирает весь белый свет, который путешествующий лирический герой хочет познать, как редкостный дар. В этом смысле показательны сохранившиеся черновые наброски «Осени»:

Ура!..куда ж<е> нам плыть?.. [какие] берега
Мы посетим – Кавказ ли колоссальный <?>
Иль опаленные Молда<вии> луга,
Иль скалы дикие Шотландии <печальной> <?>
Или Нормандии блестя<щие> снега,

Или Швейцарии ландшафт [пира<мидальный> <?>]

(III, 917)

Красноречивое пушкинское многоточие в конце стихотворения завершает трансформацию белого цвета, символизирующего теперь как белый свет, так и всю перспективу его постижения. Подобные наблюдения позволяют утверждать, что в пушкинской лирике последних лет, начиная с «Осени», белый цвет трактуется как яркий, незастывший свет. Это некий сверхсвет.

Похожее заметил Ю.М. Лотман, сопоставляя пушкинскую «Осень» с «Осенью» Баратынского: «Пушкин, конечно, же не мог знать «Осени» Баратынского, явившейся в определенной мере откликом на его гибель... Баратынский, вероятнее всего, все же имел возможность ознакомиться с еще не напечатанным пушкинским текстом; а то, что гибель Пушкина повлияла на оформление окончательного текста стихотворения Баратынского, представляет собой бесспорный факт. Смерть Пушкина стала подтекстом, объясняя трагические интонации «Осени» Баратынского» [5, с. 511].

Ю.М. Лотман, анализируя семантическую характеристику белого цвета у Пушкина и сопоставляя ее с коннотацией этого цвета у Баратынского, приходит к выводу: «У Пушкина белый – яркий цвет, у Баратынского – не-цвет» [5, с. 518]. Действительно, если у Пушкина в «Осени» белый цвет – преобразующее начало, перспектива, у Баратынского – ослепительное бесцветье, которое есть смерть:

Зима идет, и тощая земля
В широких лысинах бессилья:
И радостно блиставшие поля
Златыми класами обилья:
Со смертью жизнь, богатство с нищетой,
Все образы години бывшей
Сравняются под снежной пеленой,
Однообразно их покрывшей:
Перед тобой таков отныне свет,
Но в нем тебе грядущей жатвы нет!

(I, 233)

Белый цвет, подразумеваемый перспективным многоточием в «Осени», определил его доминирование в поздней лирике Пушкина. Это свечение «белого» наблюдается и в «Родриге» (1835), где Пушкин описывает явление преподобного старца:

Чудный сон мне Бог послал –
С длинной белой бородою,
В белой ризе предо мною
Старец некий предстоял
И меня благословлял.

(III, 445)

Похожее благодатное, белое сияние Пушкин передал и в написанном в том же – 1835 году, что и набросок к «Родригу», завершенном стихотворении «На Испанию родную...»:

В сновиденье благодатном
Он явился королю,
Белой ризой одаян
И сияньем окружен.

(III, 386)

Примечательно, что в других редакциях и вариантах этого стихотворения риза была не белая, а светлая:

Видит он: святой угодник
Приближается к нему
Ризой светлою одаян
И сиянием окружен.

(III, 972)

Важно отметить, что в окончательном варианте Пушкин обратился именно к светоносному белому свету как необходимому элементу символики, передающей не просто «благодатное явление», но и всю добрую духовную волю этого явления, наставляющую падшего на праведный путь:

И король, объятый страхом,
Ниц повергся перед ним,
И вещал ему угодник:
«Встань - и миру вновь явись.

Ты венец утратил царской,
 Но господь руке твоей
 Даст победу над врагами,
 А душе твоей покой».

Пробудясь, господню волю
 Сердцем он уразумел,
 И, с пустынею расставшись,
 В путь отправился король.
 (III, 386)

В «Страннике» (1835) Пушкин сближает свет с белым цветом. Ведь белый цвет из-за своей близости с дневным светом трактуется как символ жизни и как знак существования небесной силы, побеждающей смерть и зло:

«Я вижу некий свет», - сказал я наконец.
 «Иди ж, - он продолжал: - держись сего ты света;
 Пусть будет он тебе [единственная] мета,
 Пока ты тесных врат [спасенья] не достиг»...
 (III, 393)

В этом отрывке семантика «белого» также соотносится с библейской символикой. Белый – некое начало, чистота, преображение. Л.А. Краваль в статье «Пушкин и преподобный Серафим» указывает на прототип образа старца в «Страннике» [4, 52]. Это преподобный Серафим: «Он весь как бы трепетал этой любовью, этой безграничной силой сочувствия и сострадания. Она сияла в его глазах, звучала в тех ласковых, нежных словах и обращениях его к людям... Вид его лица был совершенно необыкновенный. Сквозь кожу у него проникал благодатный свет. В глазах у него выражалось спокойствие и какой-то неземной восторг». [4, 1999].

О восхождении искусства к божественным небесам, о высшем призвании Красоты спасти мир написано незавершенное стихотворение «Сей белокаменный фонтан...» (1835), в котором белый цвет камня, из которого сотворен фонтан, символизирует гармонию, стройную «соразмерность» и «сообразность», перед которой все равны:

Сей белокаменный фонтан,
 Стихов узоров испещренный,
 [Сооружен и изваян]
 < >
 [Железный ковшик]
 [цепью прицеленный]
 [Кто б ни был ты: пастух,
 Рыбак иль странник утомленный],
 Приди и пей.
 (III, 472)

Удивительную символическую семантику имеет белый цвет в стихотворении Пушкина «Когда владыка Ассирийский...» (1835). Центром этого произведения становится описание города Ветилуи, которое в библейском тексте отсутствует:

И над тесниной торжествуя,
 Как муж на страже, в тишине
Стоит, белеясь, Ветилуя
 В недостижимой вышине.
 (III, 406)

И.З. Сурат убедительно показала, что в этом стихотворении помимо впечатлений Пушкина из путешествия 1829 года в Арзрум отразилось образное родство строк о Ветилуе, белеющей в вышине, со строками из пушкинского стихотворения «Монастырь на Казбеке»:

Твой монастырь за облаками,
 Как в небе реющий ковчег,
 Парит, чуть видный, за горами.
 (III, 200)

«Видение, некогда его поразившее, - пишет И.З. Сурат, - теперь с новой силой предстало воображению и, совпав с настроением, отлилось в картину Ветилуи, белеющей в вышине. И все же есть существенная разница между двумя сходными образами: монастырь на Казбеке – почти реалистичная зарисовка с натуры, претворенная в метафору душевной жизни... Иное дело, Ветилуя – это образ

откровенно условный, символический, каждая его деталь значима как сгусток библейских смыслов отстоявшегося духовного опыта самого поэта. Одна из таких деталей – белизна Ветилуи, неправдоподобная и не продиктованная текстом Книги Юдифь. Белый цвет привнесен сюда как цвет богоявления, богоприсутствия и также цвет целомудрия, непорочности» [16, 136].

«Образ Ветилуи, белеющей в вышине, над которым поэт долго работал (сохранился целый лист черновых вариантов), восходит, вероятно, к картине Джорджоне «Юдифь», знакомой Пушкину по Эрмитажу», – так комментировала это стихотворение И.Ю. Юрьева [17, 217]. М.Ф. Мурьянов увидел в этом стихотворении манеру Рембрандта: «...такое освещение совершенно во вкусе Рембрандта поэт имел возможность усвоить по полотнам зимнего дворца» [6, 215].

Утверждение И.Ю. Юрьевой никак не комментирует выбор Пушкиным белого цвета, ибо картина Джорджоне «Юдифь» сосредотачивает внимание зрителя на психологическом сложном образе самой Юдифи. Ведь именно ее образ художник помещает на возвышение, а не образ города, который на картине выглядит туманно-размытым. Таким образом создается возвеличивание самой Юдифи, вокруг которой никого нет. Ее опущенный книзу взор создает незримую преграду между ней и воображаемым народом, между ней и прихожанами (если принять гипотезу о том, что картина составляла некогда часть церковного надпрестольного складня).

Замечание М.Ф. Мурьянова о манере Рембрандта, которую использует Пушкин в этом произведении, косвенно относится к выбору поэтом белого цвета, ибо именно этот цвет участвует в расширении пространства и углублении перспективы. Ведь никто лучше Рембрандта не мог средствами воздушной перспективы передать в офорте или рисунке чередование бесконечных пространственных планов.

В анализе деепричастия «белеясь» М.Ф. Мурьянов идет еще дальше – анализирует наличие этого деепричастия и других словоформ, связанных с ним в других произведениях Пушкина: «Я поехал по широкой долине, окруженной горами. Вскоре увидел я Карс, белеющий на одной из них» («Путешествие в Арзрум», глава 2):

Что белеется на горе зеленой?

Снег ли то, али лебеди белы?

(III, 377)

Данные наблюдения М.Ф. Мурьянова позволяют говорить об особом стилистическом приеме Пушкина, который, по сути, можно назвать живописным. Автор с помощью символики цветообозначения раздвигает пространство в произведении, дает ощущение дали, шири и высоты.

Деепричастие «белеясь» стоит в окружении слов «торжествуя», «недостижимой», которые уточняют его семантику. «Сознание совершившегося чуда – готовности дать отпор нашествию – является причиной, почему Ветилуя теперь стоит торжествуя, в вышине, которая стала для врага недостижимой; последнее прилагательное – единственное в поэзии Пушкина» [6, с. 216].

Символическая семантика белого цвета подразумевает некую торжественность и недостижимость. Поэтому неудивительно, что символ белого цвета в этом контексте выполняет не только композиционную функцию, характерную для художников эпохи Возрождения, но и имеет семантическую функцию преображения.

Таким образом, в поздних стихотворениях Пушкина наблюдается некое стремление к «белому». «Белое» трактуется нами как благодатный божественный свет, дающий творческие силы поэту, излучающий добро и всепрощение и являющийся символом преображения и прозрения, жаждой обретения горнего – Божественного Дома.

Список литературы

1. Пушкин А.С. Полн. собр. соч.: В 16-ти тт., 8 т., М.; Л.: АН СССР, 1937-1949.
2. Баратынский Е.А. Полн. собр. соч.: В 2-х тт., СПб.: Разряд изящ. Слов. Имп. Акад. Наук, 1914-1915.
3. Июльская Е.Г., Петривная Е.К. Цветовая символика в сказках Пушкина // Восточно-европейский научный журнал, 2018, №3 (31), с. 65-69.
4. Краваль Л.А. Пушкин и преподобный Серафим. // Духовный труженик. – СПб.: Наука, 1999. – с. 56-65.
5. Лотман Ю.М. Две осени. // О поэтах и поэзии. – СПб.: Искусство, 1996. – с. 511-519.
6. Мурьянов М.Ф. Из символов и аллегорий Пушкина. – М.: Наследие, 1996. – 278 с.
7. Осипова Ю.В. Музыкальность поэтики А.С. Пушкина: интерпретация музыкальной природы стихотворения А.С. Пушкина «Осень». 220-летию со дня рождения А.С. Пушкина посвящается // International scientific review of the problems and prospects of modern science and education, Boston, USA, Jan 21-22, 2019.
8. Осипова Ю.В. Пушкинские символы 1830-х гг. в пьесе М.А. Булгакова «Пушкин». 220-летию со дня рождения А.С. Пушкина посвящается. 2019 год – год театра в России // Наука, образование и культура, 2019, №1, с.22-25.

9. *Осипова Ю.В.* The symbolic characteristic of urban space in the poetics of pushkin of the 1830s // LXIV International scientific and practical conference european research: innovation in science, education and technology, London, United Kingdom, 08 June 2020, p.37-41.
10. *Осипова Ю.В.* Символика цвета в повести Пушкина «Пиковая дама» // Проблемы современной науки и образования / Problems of modern science and education, 2020, №6 (151), часть 1, с.42-48.
11. *Осипова Ю.В.* К проблеме символики городского пространства в поэтике Пушкина 1830-х гг. (Пушкин «Сказки» и «Медный всадник») // Наука, образование и культура, №4 (59) июль, 2021, с.25-28.
12. *Осипова Ю.В.* Functionality of the symbols of "black" in pushkin's poetics of the 1830s // LXXII International scientific and practical conference european research: innovation in science, education and technology, London, United Kingdom, 08 June 2021, p. 27-32.
13. *Осипова Ю.В.* Символическое в трагедии А.С. Пушкина “Моцарт и Сальери” 225 - летию со дня рождения А. С. Пушкина (1799-1837) / Osipova Yu.V. Symbolic in the tragedy of A.S. Pushkin “Mozart and Salieri” anniversary of A. S. Pushkin (1799-1837) // Вестник науки и образования, №3 (146), 2024, с. 39-45.
14. *Осипова Ю.В.* Архетипы Дома и Семьи в повести А.С. Пушкина «Капитанская дочка». 2024 – год семьи в России. // Проблемы современной науки и образования / Problems of modern science and education, №3 (190), 2024, с. 16-24.
15. *Петривная Е.К., Июльская Е.Г.* Символика цвета в сказках А.С. Пушкина // Русская литература в полилингвальном мире: вопросы аксиологии, поэтики и методики. Материалы III Международной научно-практической конференции. Москва, 2023, с. 335-341.
16. *Сурат И.З.* «Стоит, белеясь, Ветилуя...» // Московский пушкинист. – М.: Наследие, 1996. – с.33-34.
17. *Юрьева И.Ю.* Пушкин и христианство. – М.: Дом «Муравей», 1998. – 280 с.